

# МОНАШЕСКОЕ БРАТСТВО

Опричнина не была единой политикой, и ее цели менялись в разные периоды. Этот факт, впервые точно установленный, имеет первостепенное значение для истолкования иностранных свидетельств об опричнине. Игнорирование открытия приводит к очевидным недоразумениям.

Наделение опальных казанскими поместьями и последовавшая вскоре амнистия — таковы характерные черты опричных репрессий «первой» опричнины. Основным содержанием «второй» опричнины был массовый, длительный, кровавый террор. На первом этапе было казнено несколько человек, на втором — несколько тысяч. Избиения, по общему мнению, лишены были смысла.

Характерная особенность «Сказаний» иностранцев состоит в том, что их авторы попали на опричную службу в период

«второй» опричнины. Они не только наблюдали вблизи за действиями опричников, но и сами принимали участие в карательных экспедициях. Рассказы о казнях заняли особое место в их сочинениях. В смысле полноты и достоверности известия иностранцев о начальных событиях опричнины далеко уступают их известиям о терроре.

По словам Генриха Штадена, опричники не должны были ни говорить с земскими, ни сочетаться с ними браком. А если у опричника были в земщине отец или мать, он не смел их никогда навещать. Штадену принадлежит поразительное свидетельство о земских и опричных дворянах: «Часто бывало, что ежели найдут двух таких в разговорах, убивали обоих». Исследователи полагают, что слова Штадена характеризуют ситуацию, сложившуюся в период становления опричнины. Согласиться с этим невозможно. При учреждении опричнины царь предоставил охранному корпусу всевозможные привилегии, и убийство опричника каралось очень строго.

Штаден попал в опричнину в разгар террора, когда земцев действительно убивали без суда и следствия, по ничтожным поводам. Но можно ли верить Штадену, будто вместе с земцами убивали также и опричников? Сомнения в достоверности известия немца-опричника отпадают, коль скоро установлено время, к которому они относятся. В 1570–1571 гг. Грозный старался держать в страхе опричный корпус. Глава опричной думы был убит без всякого суда. Рядовых опричников убивали, используя любой предлог, например, разговор с земцем. Убийства, описанные немцем-опричником, показывают, чего более всего опасался самодержец. Он страшился объединения недоброжелательных дворян земщины и опричнины.

Ливонские дворяне Иоганн Таубе и Элерт Крузе добились милости царя, представив ему проект создания в Ливонии вассального Ливонского королевства. Проект был утвержден царем в 1569 – 1570 гг., а его авторы удостоились чести быть принятыми в опричнину.

Описывая жестокости опричнины, Таубе и Крузе отметили такой штрих: «Казненный не должен был погребаться в его

(царя) земле, но сделаться добычей птиц, собак и диких зверей». Это показание следует отнести в целом ко второму периоду опричнины. В начале опричнины царь разрешил «честно погresti» главного изменника Горбатого в Троице-Сергиевом монастыре, а через несколько дней обеспечил его душу заупокойным вкладом.

По словам Таубе и Крузе, Грозный создал в опричнине монашеское братство. Их свидетельство в деталях совпадает с рассказом Шлихтинга. Объясняя эту затею, исследователи обращают внимание на то, что в общежитийном монастыре монарх усматривал «нечто вроде идеальной модели организации общества». Иван претендовал на роль учителя и наставника своих подданных в мирских делах и делах веры. «Тщу же ся со усердием люди на истинну и на свет наставити, да познают единого истинного Бога в Троице славимаго от Бога данного им государя», — писал Иван Курбскому. Создание «братства» позволяло царю «сделать постоянным объектом такого воспитания все его ближайшее окружение». Прошедшие такое воспитание должны были стать достойными помощниками Ивана IV в осуществлении им миссии, возложенной на него самим Богом (Б.Н. Флоря).

Воспитательные цели Грозного не подлежат сомнению. Но прежде следует выяснить обстоятельства, которые сопутствовали рождению загадочного «братства».

Следует начать с вопроса, к какому периоду относится показание иноземцев. Полагают, что орден возник вместе с учреждением опричнины. Так ли это?

Не кажется ли странным, что царь, едва вернувшийся на трон после отречения, тут же взялся играть роль игумена? Игумену полагалось отрешиться от мирских дел управления. Руководству опричнины было поручено новое неслыханное дело, требовавшее усилий и труда. Предстояло организовать опричное войско, размежевать опричные и земские владения, наладить сбор налогов в опричную казну, провести репрессии. Время было самое неподходящее для того, чтобы опричная дума и «двор» могли предаться иноческому житию.

Источники позволяют весьма точно установить время, когда Грозный проявлял наибольший интерес к монашеству применительно к себе и своей семье. В 1567 г. он поведал старцам Кирилло-Белозерского монастыря о своем сокровенном желании принять пострижение в их обители. Самодержец постарался дать инокам доказательства серьезности своих намерений. Он пожертвовал деньги на устройство кельи для себя в стенах монастыря. То не был мимолетный порыв. Иван присылал кресты и иконы для украшения своей кельи. В 1569–1570 гг. по его желанию в Кирилло-Белозерском монастыре были устроены кельи для царевичей Ивана и Федора. Царевичи жертвовали обители 1500 рублей.

В это время, то есть в начальный период террора, монарх, по-видимому, и основал монастырь в Александровской слободе. По словам Таубе и Крузе, в состав «особого братства», или ордена, входили 300 опричников. В 1565 г. царь отобрал в опричное войско 1000 детей боярских. Верхушку его составлял опричный Государев двор численностью не более 100 дворян. (Общерусское ополчение включало 20–30 тысяч детей боярских и не более 2–3 тысяч дворовых.) К 1568–1570 гг. опричное войско разросло до нескольких тысяч детей боярских, и только тогда «особный» Государев двор увеличился до 300 человек. Таким образом, рассказ Таубе и Крузе относится не к началу опричнины, а к ее последнему периоду. В Слободской монастырь были приняты не отдельные лица, а весь опричный Государев двор, имевший постоянное местопребывание в Слободе.

При каких обстоятельствах самодержец преобразовал свой опричный «двор» в монашеский орден? Полагают, что он попросту повелел обрядить двор в монашеское одеяние. Иван относился к иноческому житию очень серьезно и не был склонен к пародии или профанации идеала монашества. Но именно такой профанацией был бы принудительно навязанный Государеву двору «иноческий образ». Принудительное пострижение было в глазах царя одним из тяжких наказаний. Таковую оценку вполне разделяли опричники.

Менее всего можно было ожидать, что опричные слуги готовы к монашескому подвигу. Они познали вкус власти и пролили кровь. Опричники без труда нашли бы себе место в разбойничьей шайке, но никак не среди подвижников, людей святой жизни.

Что же произошло?

Намерение царя удалиться на покой в монастырь вызвало крайнюю тревогу в опричной думе. Чтобы осуществить свой план, Грозному пришлось бы вторично отречься от престола. Опричникам предстояло держать ответ перед земщиной за пролитую кровь.

Чтобы помешать самодержцу уединиться в Кирилло-Белозерской обители, опричники, по-видимому, предложили ему образовать свой монастырь в Слободе, зачислив туда весь опричный «двор». Не так уж существенно, исходило ли предложение от самого государя или от опричной думы. Грозный уже однажды посредством отречения навязал свою волю земщине. Может быть, нечто подобное произошло и в опричнине? В массе для членов опричного «двора» не было равным счетом ничего привлекательного в монашестве. Но они выбрали меньшее зло.

По словам Шлихтинга, опричники несколько дней вели монашеский образ жизни, а затем устраивали массовые экзекуции. Его слова подтверждают, что монастырь функционировал в эпоху массового террора, в короткие периоды между погромами и карательными походами, когда члены Государева двора собирались в Александровской слободе.

Для всех членов братства была изготовлена монашеская одежда: грубые нищенские одеяния на козьем меху, длинные черные монашеские посохи, снабженные железным острием, под нищенской рясой скрывались богатые одежды, шитые золотом, у пояса — длинные ножи.

Рано утром Грозный с сыновьями взбирался на колокольную и вместе с пономарем звонил в колокола. В 4 часа утра все братья собирались в церкви. На тех, кто не явился, накладывали наказание — восьмидневную епитимью, независимо от того,

боярин это или сын боярский. С 4 до 7 часов служили молебн. Царь пел вместе с прочей братией в хоре опричников. После часового перерыва Иван снова шествовал в храм и молился с братией до 10 часов.

К этому времени была готова трапеза, и все братья садились за стол. Пока опричники ели, игумен оставался стоять. По должности настоятеля царь во все время обеда стоя читал братии назидательные книги.

Каждый из «иноков» приносил с собой прибор — кружки и блюда. Снисходя к слабости братьев, Грозный разрешал подавать к столу очень дорогие вина и меды, что было грубым нарушением монастырских правил. Опричники должны были унести с собой остатки пищи и вина, чтобы раздать нищим за порогом трапезной. Но поскольку напитки и пища были изысканными, многие уносили остатки домой.

Когда трапеза заканчивалась, к столу шел сам игумен. Вечерняя трапеза сопровождалась службой, продолжавшейся до 9 часов вечера. После этого монарх шел ко сну в спальню. Там его ждали слепые сказители, которые один за другим пели и рассказывали ему былины и сказки. Засыпал государь не ранее 12 часов ночи. Так происходило ежедневно по будням и праздникам.

Таубе и Крузе сообщают любопытные подробности о первых людях опричного монастыря. Келарем обители был князь Афанасий Вяземский. Келарь заведовал монастырскими припасами и вообще ведал светскими нуждами обители. Вспомним, что князь Афанасий обратил на себя внимание государя во время полоцкого похода, будучи обозным воеводой. Ратные люди сами должны были позаботиться о пропитании. В обозах везли провиант и все необходимое для царя и его свиты. Итак, главной обязанностью Вяземского было снабжение двора. Способ казни его наводит на мысль, что князь неслышанно обогатился, занимаясь снабжением. Его держали на правее много дней, заставляя платить по 1000, 500 и 300 рублей на день. Деньги взыскивали также с богатых купцов, которых Вяземский ссужал деньгами, предчувствуя грядущую опалу.

Если Басманов формировал политику опричнины, то Вяземский изыскивал средства для проведения этой политики.

Среди руководящих лиц ордена авторы «Записок» называют пономаря Малюту Скуратова. Малюта не играл никакой роли при учреждении опричнины и выдвинулся лишь после кровавого разгрома вотчин Федорова-Челяднина в 1568 г.

Как пономарь, Скуратов приходил первым в церковь и зажигал свечи, готовил к службе кадило. При случае пономарь мог читать псалмы. В народе говорили: «Пономари близко святости трутся, а во святых нет их»; «Читает как пономарь».

В Слободском монастыре должность пономаря приобрела особое значение потому, что царь с сыновьями были большими любителями колокольного звона и взбирались на колокольную со звонарем вместе.

Образование опричного монастыря было вопреки привычным представлениям кратковременным эпизодом в истории опричнины.

История Слободского монастыря была тесно связана с конфликтом между митрополитом и царем. 22 марта 1568 г. Филипп обратился к самодержцу с вопросом: почему «неправедная дела твориши?». Обличения митрополита произвели огромное впечатление на столичное население. Грозный задумал учинить суд над Колычевым. Но он боялся, что епископы воспользуются правом печалования и заступятся за главу церкви. По церковным правилам миряне не могли судить иерархов церкви.

Очень может быть, что сам Слободской монастырь возник в период подготовки суда над митрополитом. Пока Филипп сохранял пост главы церкви, он не потерпел бы, чтобы опричные палачи разыгрывали кощунственный спектакль. В распоряжении митрополита было много средств, чтобы выразить свое отношение к сумасбродной затее. Когда Филипп покинул митрополию, руки у Грозного оказались развязанными.

Глава церкви обличил неправедное житие царя. Наличие в Слободе иноческого братства воочию показывало всем, что государь ведет жизнь святого. Опричники выехали на Соловки

для розыска о несправедной и порочной жизни Филиппа в бытность его соловецким игуменом. Власть находилась в руках слободского игумена, и он одержал верх над игуменом соловецким.

После розыска десять опричных «братьев» увезли с Соловков в Москву игумена Паисия и десять соловецких братьев.

Священный собор осудил митрополита. Конфликт получил завершение после того, как слободской пономарь задушил низложенного митрополита. Вскоре же орден стал быстро саморазрушаться. В 1570–1571 гг. одни братья были зарезаны либо повешены на воротах собственного дома, другие утоплены либо брошены в темницу.